

В.И. Матузова

УСТНАЯ ОСНОВА «ХРОНИКИ ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА*

В статье рассматривается проблема устных источников «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга. В современной историографии главное внимание уделяется письменным источникам хроники. Тем не менее, устные источники крайне важны, поскольку они подчеркивают эпический аспект памятника. Что касается *exempla*, которым уделено главное внимание в статье, они отражают ментальность крестоносцев и могут способствовать изучению как идеологии Тевтонского ордена и психологии рыцарства, так и его повседневной жизни.

Ключевые слова: Тевтонский орден, крестоносцы, хроники, устная традиция.

Письменная источниковая основа «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга изучена достаточно полно (хотя и в немногих работах)¹. Гораздо меньше внимания уделено ее устной основе². Между тем устных рассказов в хронике немало, и они несут разностороннюю смысловую (идейно-дидактическую) нагрузку.

В Послании к верховному магистру Тевтонского ордена Вернеру фон Орзельну, открывающем «Хронику земли Прусской», Петр из Дусбурга формулирует цель своего труда следующим образом: хроника должна стать «достоянием всех, дабы содержащиеся в ней события каждого года остались в памяти потомков»³. Естественно, при этом он притязает на достоверность. А что может быть достовернее фактов, полученных из первых рук? И вот в главке «О построении этой книги» Петр из Дусбурга обращается к читателю: «...из этих событий немногие я видел, о других слышал от тех, которые видели

---

* Работа выполнена по проекту «Становление государства, инфраструктуры и идеологии в Античности и Средневековье (компаративное исследование)» по Программе Секции истории «Нации и государства в мировой истории» ИВИ РАН.

¹ *Pollakówna M.* Kronika Piotra z Dusburga. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968; *Wenta J.* Kronika Piotra z Dusburga: Szkice źródłoznawczy. Toruń, 2003.

² Назову одну из недавних работ: *Wyszomirski S.* Die Werkstatt Peters von Dusburg // *Mittelalterliche Kultur und Literatur im Deutschordensstaat in Preussen: Leben und Nachleben* / Hrsg. J. Wenta, S. Hartmann, G. Vollmann-Profe. Toruń, 2008. S. 501–511 (*Sacra Bella Septentrionalia*. 1).

³ *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Изд. подгот. В.И. Матузова. М., 1997. С. 5 (Далее: ПД).

и принимали в них участие, остальные — рассказы о которых признал достоверными»⁴. Эти слова свидетельствуют если не об устной традиции, существовавшей в Тевтонском ордене, то по крайней мере об устной основе многих сведений, содержащихся в хронике.

В отдельных главах хроники Петр из Дусбурга практически полностью полагается на устную информацию. Об этом он сообщает, например, перед описанием второго восстания пруссов (или, как он его называет, «второго вероотступничества»), извиняясь перед читателями за возможные неточности: «...пусть не волнует читателя, если какое-либо сражение во втором вероотступничестве, изложенное выше или ниже, он найдет не в том порядке, в каком они происходили, ибо они уже стерлись из памяти людей, ныне живущих, так что никто из них не может расположить их должным образом».⁵

Сказанное свидетельствует и еще об одной особенности хроники, которую можно было бы назвать ее *внутренним звучанием* (по аналогии с музыкальным понятием «внутреннего слуха»). Дело в том, что в нее постоянно врывается голос автора, священника Тевтонского ордена. Ведь она изобилует не только фактами из истории завоевания Пруссии, но и проповедями, обращенными к его братьям по ордену, проповедями двоякого рода: одни из них представляют собой толкование библейских цитат, другие облечены в форму анекдотов или назидательных примеров (*exempla*), или просто вторгаются в них.

Образцом первой формы служит начало первой части хроники («О начале ордена храма Тевтонского»), где последовательно, на библейском материале, доказывается и утверждается справедливость учреждения Тевтонского ордена. Близко к этому и обоснование хронистом так называемых «новых войн», которые тевтонские рыцари вели в Пруссии, по его словам, не только «плотским», но и духовным оружием. Но эта, можно сказать, литургическая устная основа, служит крестоносной идеологии в ее чистом проявлении, и своим содержанием обращена непосредственно от автора к чи-

---

⁴ ПД. С. 8. «...quorum pauca, que vidi, alia que audiui ab his, qui viderunt et interfuerunt, cetera, que relatione veridica intellexi» (Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg / Hrsg. M. Toeppen // Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 24. Далее: PD).

⁵ ПД. III. 137. С. 108–109. «...non moveat lectorem, si aliqua bella infra secundam apostasiam jam posita vel ponenda non inveniat eo ordine, quo sunt digesta, quia jam transiverunt a memoria hominum nunc viventium, quod nullus de ipsis posset se modo debito expedire» (PD. S. 118).

тателю. Своеобразные проповеди сопутствуют и описанию самых тяжелых испытаний крестоносцев, и тогда автор утешает своих братьев: «Ибо не так, как к другим народам продолжает Господь долготерпение, чтобы карать их, когда они достигнут полноты грехов, не так судил Он о нас, чтобы покарать нас после, когда уже достигнем до конца грехов. Он никогда не удаляет от нас Своей благодати, и, наказывая горестями, не оставляет Своего народа»⁶. Или читает молитвы: «Помилуй нас, наконец, Господи... Пролей гнев Твой на народы, которые не знают Тебя, и на царства, которые имени твоего не призывают...»⁷ или: «Истожи же, Господи, силу их и рассей их [пруссов], дабы знали они, что не кто иной сражается за нас, как Ты, Господь наш»⁸. И главное — возносит молитву Иисусу, приступая к работе над хроникой: «...я молю Тебя, благой Иисус... Просвети благодатью духа Твоего разум мой и дай мне красноречие и мудрость для скорого завершения труда сего...»⁹. Особое место занимают немногие прямые обращения хрониста к читателю наподобие уже приведенного выше¹⁰ или: «...прошу тех, кому случится читать эту книгу, не страшиться напастей и уразуметь, что эти страдания служат не к погублению, а к вразумлению рода нашего»¹¹.

Но совсем иное — рассказы, услышанные автором и затем переданные читателю. В этом случае хронист выступает посредником между своим источником и читателем. Эти короткие истории и образуют устную основу к созданию эпического повествования. Остановимся на них, обращая внимание на некоторые особенности, свойственные «Хронике» как сочинению, возникшему в Тевтонском ордене.

Об устной основе напоминают немногочисленные, разбросанные по хронике речевые формулы, например, такие: «слышали, будто»

---

⁶ ПД. III. 172. С. 122. «Non enim sicut in aliis nacionibus dominus pacienter expectat, ut eas, cum dies iudicii advenerit, in plenitudine peccatorum puniat; ita non in nobis statuit, ut peccatis nostris in finem devolutis ita deinde vindicet, propter quod nunquam a nobis misericordiam suam amovet; corripiens vero in adversis populum suum non derelinquit» (PD. S. 131).

⁷ ПД. III. 66. С. 82. «In finem miserere nostri, domine... Effunde iram tuam in gentes, que te non noverunt, et in regna, que nomen tuum non invocaverunt...» (PD. S. 88).

⁸ ПД. III. 84. С. 90. «Contere ergo deus fortitudinem illorum, et disperge illos, ut cognoscant, quia non est alius, qui pugnet pro nobis, nisi tu deus noster.» (PD. S. 97).

⁹ ПД. С. 9. «...te deprecor, bone Jesu... Illumina spiritus tui gracia intellectum meum et da mihi os et sapienciam ad complendum breviter opus istud...» (PD. S. 24).

¹⁰ ПД. III. 137. С. 108.

¹¹ Там же. III. 172. С. 122. «Obsecro ergo eos, qui hunc librum lecturi sunt, ne abhorrescant propter diversos casus, sed reputent ea, que acciderunt, non ad interitum sed ad correctionem generis esse nostri» (PD. S. 130).

(Ш. 99), «когда молва... облетела пределы Алемании» (Ш. 125), «говорили, что» (IV. 68), «повествуют многие достойные доверия (и этому следует безусловно верить)» (Ш, 170), «рассказывают, и должно неколебимо верить этому» (Ш. 219), «о жизни этого человека... рассказывают чудеса» (Ш. 236), «если я осмеливаюсь сказать это» (Ш. 236), «не следует умолчать» (Ш. 218), «я умолчу... ради краткости» (Ш. 219), «да не умолчим и о том...» (Ш. 315) и т. п.

Для орденского хрониста десятилетия завоевания Пруссии — это героическое время, достойное быть запечатленным в образах, близких героическому эпосу. Недаром Петр из Дусбурга отождествляет рыцарей Тевтонского ордена с библейскими Маккавеями. Это, вероятно, ярчайший пример толкования библейского материала в духе крестоносной идеологии¹². Но было и другое. Некоторые фрагменты хроники, кажется, свидетельствуют о намерении автора возвести на уровень эпических героев (и едва ли не святых) отдельных рыцарей ордена, которые, впрочем, как члены духовно-рыцарского ордена были одновременно монахами. Для хрониста четкой грани между теми и другими нет, потому что их героизм проявляется как на поле брани, так и в монастырских стенах. Братьев замка Христбург Петр из Дусбурга характеризует следующим образом: «боголюбивые люди, поражавшие непорочностью и соблюдением обрядов, и, кроме того, они были доблестными рыцарями, так что воистину можно о них сказать, что в монастыре и на поле брани они вели жизнь ратную»¹³. Точно так же и в замке Кёнигсберг, по словам хрониста, «жили добродетельные люди: братья и доблестные рыцари. В добродетели воздержания, моления, бдения и коленопреклонения они не знали себе равных»¹⁴. Отдельных из них Петр из Дусбурга счел достойными упоминания. Так, в Христбурге некий брат «из Глейссберга» отличался «такой святостью, что в пятницу, когда в церкви шла служба и, как водится, он

---

¹² О том, как образ Маккавеев через текст хроники постепенно внедрялся в орденский менталитет и служил формированию идентичности Тевтонского ордена, см.: Матузова В.И. Роль книг Маккавейских в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга: формирование идентичности Тевтонского ордена // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон / Ред. Н.Ю. Гвоздецкая, И.Г. Коновалова, Е.А. Мельникова, А.В. Подосинов. М., 2011. С. 240–245.

¹³ ПД. Ш. 64. С. 80. «...deo devoti et mire abstinence regularisque sectatores, et cum hoc strenui milites in bello, ita ut vere posset de ipsis dici, quod in domo monachalem, et in campo vitam ducerent militarem» (PD. S. 86).

¹⁴ ПД. Ш. 230. С. 141. «...viri virtuosii fratres, et in armis strenui milites habitabant. In virtute abstinence, oracionum, vigiliarum et genuflexionum alios excedebant» (PD. S. 149).

преклонил колени, чтобы поцеловать крест, то деревянный образ Распятого, поднявшись, простер руки свои, желая обнять и облобызать его»¹⁵. Комтур Христбурга Генрих Штанге также удостоился благословения Христа, деревянный образ которого простер руку и осенил его крестом. Для большей убедительности, повествуя об этом событии, Петр из Дусбурга привлекает в свидетели священника замка, брата Гейндрика (Генриха), который «это видел и сообщил всем»¹⁶. Не названный по имени брат ордена из замка Христбург постоянно носил на теле тяжелые железные вериги¹⁷. «Броню на голом теле вместо рубахи» носил и Герман фон Лихтенбург из замка Бранденбург; он не снимал ее не только на ночь, но даже когда облачался в прочие доспехи, выступая в сражение¹⁸, а Энгелькон, еще один брат из Христбурга, «на голом теле носил железную кольчугу вместо рубахи, и так до смерти своей износил четыре таких кольчуги, изъеденных временем и ржавчиной»¹⁹. Своего рода идеалом монаха выступает Таммо из Балги. За 56 лет его пребывания в Тевтонском ордене он «на протяжении последних 30 лет жизни ни разу не выходил за пределы упомянутого замка. Он не пил ни браги, ни меда, ничего, что может опьянять; носил власяницу; каждый праздник святых постился на хлебе и воде. Наконец, когда он занемог, после соборования 39 дней и ночей был без пищи, а потом счастливо почил в Бозе»²⁰.

Вероятно, все вышеизложенное было преданиями, сложившимися в стенах монастырей, и существовавшими какое-то время в уст-

---

¹⁵ ПД. III. 64. С. 80. «Inter hos fratres fuit quidam dictus de Glisbergk, qui tante fuit sanctitatis, quod in die parasceves, dum divinum officium in ecclesia ageretur, et more solito geniculando se inclinaret ad crucem osculandam, imago crucifixi lignea elevans se extendit brachia sua, volens cum circumdando brachiis amplecti» (PD. S. 86).

¹⁶ ПД. III. 69. С. 83. Впрочем, если свидетелей какого-то чуда нет, то хронист просто категорично заявляет, что верить этому надо. Так, о епископе кульмском Генрике «достоверно повествуется» (III. 152), что Дева Мария вручила для него послание одному бедняку, а рассказ о благочестивом Альберте фон Мейссене «должно неколебимо верить» (III. 230).

¹⁷ Там же. III. 64. С. 80.

¹⁸ Там же. III. 131. С. 106.

¹⁹ Там же. III. 146. С. 113. «...circa nudam carnem suam lorica ferrea utebatur pro camisia, et ante mortem suam quatuor tales loricis attritas vetustate et rubigine sic consumpsit» (PD. S. 122).

²⁰ ПД. III. 339. С. 178. «...infra XXX annos ante mortem suam nunquam exivit terminos dicti castri. Vinum mellicratum seu medonem, et omne, quod inebriare potest, non bibit; usus fuit cilicio; in pane et aqua singulis sanctorum vigiliis jejunavit. Tandem dum infirmaretur post perceptionem sacramentorum fuit sine cibo XXXIX diebus et noctibus, et tunc in domino feliciter obdormivit» (PD. S. 185).

ной форме (характерно, что подобные сведения Петр из Дусбурга не датирует). Хроника полнится подобными примерами, которые в совокупности создают коллективный портрет ордена — таким он видится орденскому хронисту. Парадоксально, но в создании такого портрета в подаче Петра принимают участие и враги ордена — пруссы²¹. Так, самбы послали одного из своих старейшин в замок Балгу, чтобы выведать, как живут братья ордена. Тот по возвращении рассказал следующее: «Знайте, что братья — такие же люди, как и мы; у них широкие и мягкие животы, такие, как вы видите и у нас; оружием, пищей и прочим они довольно сходны с нами, но вот чем они отличаются от нас; есть у них в обычае одно дело, которое, несомненно, погубит нас. Они еженощно встают с ложа своего и сходятся в молельне, и много раз днем, и выражают почтение Богу своему, чего мы не делаем. Вот почему в войне они, безо всякого сомнения, одолеют нас». Рассказал он и о потребляемой братьями в пищу «траве» (за которую принял капусту)²². Создается живая картинка из орденской повседневной жизни, где рыцари неожиданно предстают не аскетами и не ангелами, а обычными людьми: и животы у них большие, и поесть любят... и, наверно, не только капусту. Ведь самб Складо (один из прусских нобилей, перешедших на сторону ордена), воодушевляя своих сородичей на битву в рядах крестоносцев, напоминает о «красоте одежд», которую им дарили тевтоны, и о «сладости меда или браги», не раз принимаемых от них²³.

Наблюдается тенденция группировать материал вокруг отдельных персонажей, и тогда рассказы о героических или чудесных деяниях некоторых орденских рыцарей превращаются в миниатюрные циклы. Отдельные из них связаны с покровительницей ордена

---

²¹ Рассказы о благочестии некоторых из окрещенных пруссов также дидактичны, свидетельствуя о вознаграждении свыше за добрые дела: одному судову (ятвягу), отнявшему образ Пресвятой Девы у своих собратьев, которые «стали метать копыя свои в этот образ», и отдавшему его христианину, перед смертью явилась Дева Мария со словами: «За ту услугу, что ты оказал мне в образе моем, воздастся тебе в царствии Сына моего» (ПД. III. 207. С. 133).

²² ПД. III. 70. С. 84. «...scitote, quod fratres sunt homines sicut et nos; habent laxos et molles ventres, sicut nos videtis habere; in armis, cibis, et aliis satis conveniunt nobiscum, sed in hoc differunt a nobis; habent enim unum opus in consuetudine, quod sine dubio destruet nos. Ipsi singulis noctibus surgunt de stratu suo, et convenient in oratorio, et in die pluries, et exhibent reverenciam deo suo, quod nos non facimus. Unde in bello nos sine hesitacione aliqua superabunt» (PD. S. 90).

²³ ПД. III. 84. С. 89.

Девой Марией. Так, на протяжении трех глав хронист повествует о некоем Германе Сарацине из замка Кёнигсберг, выделявшемся среди прочих братьев искренней любовью к Пресвятой Деве Марии, во имя которой он не только пощадил одного плененного им рыцаря, но и как-то раз победил в рыцарском поединке, в который, в куртуазном духе, вступил во имя Девы Марии. С ним же Пресвятая Дева якобы «сокровенно беседовала наедине» и именно к нему она обратилась со словами критики в адрес Тевтонского ордена: «Опечалило меня то, что любезные дети мои, твои братья дома Тевтонского, некогда говорили в проповедях своих только о Сыне моем и обо мне и о деяниях святых; ныне они говорят только о деяниях королей и правителей и мирской тщете, так что они почти никогда не читают о Сыне моем и обо мне и о жизни святых»²⁴. Герману Сарацину Дева Мария предрекла гибель в битве при Дурбине. Явившись ему, она сказала: «Герман, приглашаю тебя на пир Сына моего», а он, уходя, простился со своими товарищами: «...отныне вы меня не увидите, ибо Дева, Матерь Божья, пригласила меня к вечной радости»²⁵.

Впрочем, Пресвятая Дева являлась и другим рыцарям. Одному из них, смертельно раненному в битве, Дева Мария предрекла, как он сам успел поведать, время его смерти, сказав: «На третий день ты умрешь, и возрадуйся, ибо душа твоя, как и души прочих убитых, воспарит к вечной радости». Так и случилось, «и все люди поверили словам его»²⁶.

Будучи членом духовно-рыцарской корпорации, хронист обращает особое внимание на духовные подвиги, перед которыми воинские порой даже меркнут. На рассказе о духовных подвигах Альберта фон Мейссена явно лежит отпечаток немецкого мистицизма. Петр из Дусбурга повествует о том, что этого «благочестивого и достойного похвалы» брата из Кёнигсберга в юности «удручал ан-

---

²⁴ Там же. III. 79-81. С. 87–88. «...hoc movet me ad turbacionem, quod dilecti filii mei, fratres tui, de domo Theutonica non referebant quondam in collacionibus suis, nisi de filio meo et me et de gestis sanctorum; modo non referunt, nisi de factis regum et principum et seculi vanitate, ita quod filius meus et ego et sanctorum vita raro vel nunquam recitatur» (PD. S. 95). Полагают, что процитированный фрагмент свидетельствует о начале секуляризации Тевтонского ордена, — той самой секуляризации, которая была одним из факторов, приведших в 1525 г. к краху государства Тевтонского ордена в Пруссии.

²⁵ ПД. III. 85. С. 90. «...amodo me non videbitis, quia virgo dei genitrix me ad eterna gaudia invitavit» (PD. S. 98).

²⁶ ПД. III. 41. С. 69–70.

гел сатаны» — его одолевали соблазны плоти. «Небесный глас» повелел ему ежедневно читать молитву (характерно, что при этом в латинский текст хроники вторгается текст на немецком языке): «О всевышняя любовь, дай мне истинное и чистое вожделение к тебе и к непорочности и очисти душу мою и избави меня от скверны». Молитва эта потушила в нем «очаг греха»²⁷. (Интересно, что текст молитвы приводится сначала на латыни, а затем — на древневерхненемецком языке. Обращение к народному языку в данном случае роднит Петра из Дусбурга с немецкими мистиками.) Этому же брату, выступившему в поход против язычников и сокрушавшемуся, что он не может причаститься тела Христова в храме, неожиданно, прямо в поле, явилась гостия, которую «он с несравненною радостью принял»²⁸. Для мистиков весь мир — храм Божий.

Правда, образы отдельных рыцарей порой достигают масштабов богатырей германского героического эпоса. Так, некий брат Ульрих из Магдебурга силой своей «превосходил силы многих людей». Он одним пальцем брал «любых двух оруженосцев» за пояс со спины и высоко поднимал их, «хотя они упирались» (добавляет хронист), а противостоя пяти прусским кораблям, он выломал мачту со своего корабля и, пробив ею прусские суда, потопил их и вместе с ними 50 пруссов²⁹. И все же духовная сила представляет для орденского хрониста большую ценность. Отдельная глава посвящена непорочности комтура Кёнигсберга Бертольда Брухаве, который более года возлежал на ложе своем с юной девушкой, даже не прикоснувшись к ней. Поэтому для Петра из Дусбурга он предстает богатырем, «сильнее Самсона, святее Давида, мудрее Соломона», — ведь эти библейские герои не смогли преодолеть соблазн³⁰.

Во вполне эпическом духе написана глава «О брате Генрихе фон Кунце»³¹. Это нравоучительное повествование о грабителе и нечестивце, который едва не попал в дьявольские сети, но вовремя одумался, вступил в Тевтонский орден и «как прежде в бытность мирянином превосходил своих сверстников пороками, так ныне

---

²⁷ Там же. III. 230. С. 141. «O uberste libe, gib uns rechten jamir nach dir und nach einen reinen leben und reinige consciencie und behute uns vor bewollunge» (PD. S. 149).

²⁸ ПД. III. 232. С. 142.

²⁹ Там же. III. 126. С. 105.

³⁰ Там же. III. 236. С. 143.

³¹ Там же. III. 284. С. 160–161.

в монашестве превосходил прочих братьев добродетелями»³². И здесь вновь в духе немецкого мистицизма герою рассказа является Иисус Христос с пятью ранами, обещая спасение за служение ему. Равным образом комтур Тапиова Ульрих Баувар, которого хронист называет «воплощением мужества», мечтал о том, чтобы в подражание Христу погибнуть, получив пять ран, — так и случилось³³.

Подобен этому и рассказ о ландграфе Конраде Тюрингском, верховном магистре Тевтонского ордена в 1239–1240 гг. Согласно повествованию, вступлению Конрада в орден предшествовало и уничтожение, и покаяние, и исповедь в грехах перед Папой Римским. Зато, пребывая в Тевтонском ордене, он отличался таким благочестием, что некоторые его деяния удостоились в подаче Петра из Дусбурга называться чудесами³⁴.

Как говорилось, в хронику порой проникает и своеобразная критика Тевтонского ордена³⁵. И хотя, по сути, вся хроника является апологией, но в одном ярком фрагменте апологии служит критика (как бы доказательство от противного). Некий брат из замка Редин усомнился в строгости Тевтонского ордена и решил выйти из него. В видении ему явились Бернард, Доминик, Франциск и Августин, которых он просил принять его в учрежденные ими ордены, но те отказали. Тогда он стал умолять Деву Марию позволить ему остаться в Тевтонском ордене, однако отказала и она, но все же, показав ему на раны, нанесенные язычниками братьям ордена, от которых те погибли, защищая веру, спросила: «Разве не кажется тебе, что эти братья твои претерпели нечто во имя Иисуса Христа?» Этот брат, осознав свою ошибку, остался в ордене и погиб, сражаясь с пруссами³⁶.

Устная основа хроники Петра из Дусбурга служит созданию эпического повествования, представленного чаще всего в виде назидательных примеров; оно несет на себе отпечаток ментальности крестоносца и может служить материалом для изучения не только орденской идеологии, но и психологии рыцарей ордена, их быта и морали.

---

³² Там же. С. 161. «...sicut antea in seculo existens coetaneos suos malicia precedebat, ita nunc in religione fratres ceteros virtutibus excedebat» (PD. S. 169).

³³ ПД. III. 206. С. 132.

³⁴ Там же. IV. 33. С. 192–193.

³⁵ См. сн. 18.

³⁶ ПД. III. 12. С. 56.

- Матузова В.И.* Роль книг Маккавейских в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга: формирование идентичности Тевтонского ордена // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон / Ред. Н.Ю. Гвоздецкая, И.Г. Коновалова, Е.А. Мельникова, А.В. Подосинов. М., 2011. С. 240–245.
- Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Изд. подгот. В.И. Матузова. М., 1997.
- Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg* / Hrsg. M. Toppfen // SRP. Leipzig, 1861. Bd. 1.
- Pollakówna M.* Kronika Piotra z Dusburga. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.
- Wenta J.* Kronika Piotra z Dusburga: Szkice źródłoznawczy. Toruń, 2003.
- Wyszomirski S.* Die Werkstatt Peters von Dusburg // Mittelalterliche Kultur und Literatur im Deutschordensstaat in Preussen: Leben und Nachleben / Hrsg. J. Wenta, S. Hartmann, G. Vollmann-Profe. Toruń, 2008 (Sacra Belle Septentrionalia. 1).

Vera I. Matuzova

ORAL TRADITION IN “THE CHRONICLE OF PRUSSIA”
BY PETER OF DUSBURG

In the article the problem of oral sources of the “Chronicon terrae Prussiae” by Peter von Dusburg is discussed. In modern historiography primary attention is mostly paid to written sources of the Chronicon. However, oral sources are very important, as they emphasize epic aspect of the work. As far as *exempla* are concerned (which are in the centre of the article), they reflect crusaders’ mentality and can serve for study both the ideology of the Teutonic Order and psychology of its knights and their everyday life.

Key words: the Teutonic Order, crusaders, chronicles, oral traditions.